

глава третья

*чрезвычайно
сообразительный*

Сиэтл, шт. Вашингтон

Сентябрь 1945 - Июнь 1952

***«Он был чрезвычайно сообразительный для
своего возраста и эти люди были от него без
ума».***

- Эл Хендрикс в письме своей маме

ЭЛ ХЕНДРИКС ВЕРНУЛСЯ в Сиэтл на военном транспортном корабле в сентябре 1945 года. Как только приплыли в *Элиот Бей*, он встретился с товарищем и сказал ему, что «я живу там». В действительности же Эл не знал где собирается жить, и был не уверен была, ли у него вообще жена. Пока он возвращался, начался бракоразводный процесс.

Приехав, Эл поселился у своей свояченицы Долорес; *Бастер* до сих пор находился в Калифорнии у миссис Чемп. Затем Эл поехал в Ванкувер навестить свою семью, и, проведя там несколько недель, он вернулся в Сиэтл и сделал копию свидетельства о рождении своего сына, в надежде на то, что это поможет перевезти сына. Прошло два месяца после его возвращения из армии, прежде чем он поехал забирать ребенка.

Первая встреча Эла со своим первенцем у миссис Чемп была довольно прохладной. В *Мой сын Джими* он писал, что увидя своего ребенка, он был наполнен смешенными чувствами: «Младенец явно был необыкновенным. Уже в три года он был способен анализировать происходящие вокруг вещи». По крайней мере, отчасти этот дискомфорт был из-за того, насколько он был похож на мать. Эл был поражен сходством, в особенности глазами. Также его широкая, ровная улыбка напоминала Люсиль.

Чемпы попытались поговорить с Элом, что бы тот оставил Бастера им. Усыновление было легко организовать и, учитывая неопределенность будущего, Эл быстро согласился это сделать. В письме он писал из Беркли своей матери Норе Хендрикс, что Эл оказался в противоречивой ситуации, ко всему прочему переполненный родительской любовью. Он писал, что Бастер был «изящным и очаровательным мальчуганом. Он был чрезвычайно сообразительным для своего возраста, и эти люди были от него в восторге, все». Эл писал, что миссис Чемп была крайне расстроена идеей потери мальчика: «Они так привязались к нему и так любят его, и он привык к ним, мне даже как-то неудобно забирать его, но я его тоже люблю. И, в конце концов, он мой сын и я хочу, что бы он знал кто его отец, и все-таки теперь меня он называет папочкой». Эл оканчивает письмо говоря, что если он уедет из Калифорнии без сына «то я никогда себе этого не прощу, и когда я буду уезжать он поедет со мной». Он пообещал увидеть маму к рождеству.

Джими Хендрикс никогда не рассказывал о том, что он испытал впервые увидев своего отца, если, в действительности, он вообще помнил эту встречу. До этого момента Джими рос исключительно среди женщин и ему не доставало хоть какого-то отца. Он привык к миссис Чемп и обожал Селестину. Когда Эл грозил наказать его в поезде по дороге домой, Джими сквозь слезы звал Селестину, свою защитницу, которой больше не было рядом. Первую отцовскую трепку сыну Эл устроил в этом поезде. «Я догадался, что немного скучал по дому и поэтому стал вести себя скверно», – писал Эл.

В Сиэтле Эл и Джими поехали к Долорес в общежитие *Ислер Турейс*. Это было первым межэтническим общежитием в Соединенных Штатах и, несмотря на нищету проживающих, это было дружное община, где сочетались разные культуры. «Это были прекрасные деньки», – вспоминала Долорес. «Здесь не было много *черных* и здесь все друг с другом уживались». Бастер хорошо ладил с множеством других мальчишек и это было началом его много культурного воспитания.

Произошло событие, которое всех удивило – вскоре у Эла и Бастера появилась Люсиль. Ее первыми словами были: «Вот и я». В первое время три Хендрикса жили в одной комнате. Воссоединение было горько-сладким для всех: Люсиль не знала как вести себя с сыном, которого она не видела несколько месяцев, и с мужем, которого не видела около трех лет. Бастре первое время не знал что и думать видя своих родителей вместе. Эл не мог решить толи выразить свою злость, толи схватить в объятия. Он был поражен, на сколько привлекательна была его жена: за три года, с того времени как он ее не видел, она перевоплотилась из девочки в красивую женщину. К концу дня Эл решил прекратить бракоразводный процесс. Люсиль спросила его: «Хочешь попробовать еще раз?». Эл ответил: «Самое лучшее, что можно сделать, это попытаться еще раз». Взаимное сексуальное влечение было их основным связующим; это заставляло их регулярно возвращаться друг к другу даже после семейных разборок.

По словам окружающих, следующие несколько месяцев были самыми спокойными за всю их семейную жизнь. Живя с Долорес, их расходы были минимальны, Эл продолжал получать небольшие деньги из армии, за счет чего он и Люсиль могли почти каждый вечер выйти *погулять*. А Долорес, которая была консервативнее своей сестры, была удобной нянькой. Люсиль и Эл присматривали за детьми Долорес пока та по будним работала на заводе Боинга; Долорес заботилась о Бастере пока те *гуляли* и восстанавливали отношения. «У них был снова медовый месяц», – вспоминала Долорес. «Они туда-сюда ходили по *Джэксон Стрит*».

Молодое семейство даже отправилось поездом в Ванкувер. Ни Люсиль, ни Бастер до этого никогда не видели маму Эла Нору, и Эл тепло представил их. Бастера взяла бабушка, и это было первым из многочисленных путешествий, которые он совершил к ней.

В результате, Долорес, которая не пила, надоели пьющие Эл и Люсиль. «Они могли пить и гулять, а я поднимала семью», – говорила она. Когда Люсиль напивалась, она была чрезмерно сентиментальна и эмоциональна. Эл был наоборот: от алкоголя Эл терял самообладание и становился мрачным.

Вскоре Эл нашел работу на скотобойне, его зарплата позволила переехать в отель, который обслуживал недолговременных посетителей из района *Джэксон Стрит*. В их скромной комнатке была только одна кровать, которую разделили он, Люсиль и Бастер. У них была

одноконфорочная плитка для приготовления пищи; мебель в комнате состояла из единственного стула. В этой комнате они прожили около месяца.

Семья жила в отеле и целый год спустя, как он вернулся, когда Эл решил официально изменить имя своего сына. Он выбрал Джеймс (James) в качестве имени, потому что это было его собственное официальное имя, и Маршал (Marshall) в качестве среднего имени, в честь его умершего брата Леона, у которого среднее имя было таким же. В последствии некоторые звали мальчика Джими или Джеймсом, в то время, как дома его называли Бастером.

Живя в отеле семья была все время на чеку, к чему была привычна Люсиль – это было по соседству с тем местом, где она работала официанткой во время войны. Она знала много народу, и просто идя по улице, могла забежать к нескольким знакомым. Ее популярность приносила пользу Элу, но также обостряло его ревность. «Эл знал исключительно знакомых Люсиль», – говорила Долорес. «У него не было собственных друзей». Их окружение было самым разнообразным в городе, и они дружили с китайцами, японцами, белыми, и множеством филиппинских семей. Однажды, когда расовое недоверие еще было довольно большим, Эл говорил, что его даже временно лишили матросской лицензии по причине «угрозы национальной безопасности», потому что у него была парочка небелых друзей.

В конечном счете Эл получил лицензию матроса торговых судов и нашел работу на корабле, отправляющимся в Японию. Эта командировка унесла его за тысячи миль и когда он вернулся через несколько недель, обнаружил что Люсиль выехала из их номера. Эл рассказал, что управляющий сообщил ему, что он ее выселил, потому что обнаружил у нее в комнате другого мужчину.

Долорес оспаривала версию Эла, но что бы ни произошло, это не остановило Эла от того, что бы сказать Люсиль немедленно вернуться, таким образом, у них сложилась следующая модель отношений: они регулярно рвали и так же регулярно сходились. «Это был почти круговой процесс», - писал Эл в своей автобиографии. «Дела могли идти просто прекрасно на протяжении двух-трех месяцев. Затем я уезжал, «Ох, и что начинало происходить». Джими Хендрикс вспоминая эти отношения, годами позже говорил в интервью, что отношения его родителей были горячим: «Мои мам и папа часто расходились», – говорил он. «Я всегда был наготове увельнуть в Канаду». В Канаде он мог остаться со своей бабушкой Норой Хендрикс; чаще он попадал к бабушке Клерис, к Долорес или Дороти Хардин в Сиэтле.

Дороти Хардин чаще остальных доставалось нянчить после воссоединения семьи, переехавшей в свою первую квартиру весной 1947 года в общежитие *Рейнэр Виста*, где размещалась Дороти. *Рейнэр Виста* было в трех милях к югу от *Централ Дистрикт* в *Рейнэр Вэлей*. Первоначально это общежитие было семейное общежитие,

предназначенное для белых, вышедших на пенсию, но после войны оно стало домом возрастающей части афроамериканцев. Односпальная квартира под номером 3121 по *Орегон Стрит* была настолько мала, что Бастер спал в уборной. Уборная становилась его убежищем во время разборок его родителей, которые учащались.

Большинство разборок было из-за финансовых проблем и Люсиль жаловалась, что Эл не может их больше содержать. Она грозила, что уйдет и найдет работу официантки, но Эл решал вопрос по мужски. Большинство работ, которые он сменил в этот период, найдены по справочнику и ни на одной он долго не задержался. Он также учился на электрика от *ДжуАй Билл*¹ в надежде на повешение оплаты в будущем. Пара жила менее чем на 90 долларов в месяц, с рентой в 40 долларов.

Люсиль привлекла жить в *Мэйн Стеме* и домашняя жизнь в *Рейнэер Виста* в нужде была сильным контрастом. С работы домой Эл приходил изможденным и редко интересовался тусовкой. Эл говорил ей идти без него. «Когда он возвращалась домой», - вспоминала Долорес - «он сидел за выпивкой и был взбешен. Сосед по этажу рассказывал мне, что они ссорились и дрались каждый вечер». Долорес говорила, что у Люсиль часто оставались синяки, после их драк.

В начале 1948 года одна их из ссор оказалась настолько сильной, согласно Элу, что Люсиль переехала и жила около месяца с филиппинцем по имени Френк. Если это правда, то этот случай не послужил поводом для развода, и когда Люсиль вернулась, Эл взял ее обратно. Эл так писал в своей автобиографии: «Я не был уж слишком ревнивым, но о всем том, что делала Люсиль, многие парни говорили «Мужик, ты конечно же можешь это делать». Они советовали мне выгнать ее прочь». Эл делал противоположное: когда она уходила, он чувствовал, что нуждается в ней еще больше. По версии Долорес Холл Эл упрямо ошибочно интерпретировал дружбу Люсиль с мужчинами, как любовные отношения, и когда Эл начинал наезжать на нее, она просто напросто избегала его – по всей видимости, истина где-то между. Но если половина из описанных Элом в автобиографии инцидентов является правдой, то в первую очередь он был рогоносцем. Долорес же аргументирует, что ревность Эла была продуктом его воображения, подогретого алкоголем.

Но не все беспокойства Эла были иллюзиями. В этом году Джон Пейдж вышел из тюрьмы и снова объявился, чтобы отомстить. «Он угрожал поубивать всех нас», - рассказывала Долорес. Пейдж пришел с пистолетом к Люсиль, пообещав забрать ее с собой в *Канзас Сити*. Однако друг их семьи избил того же пистолетом. «Определенно Джон Пейдж был намерен использовать Люсиль для проституции», - поясняла Долорес. Пейдж видимо хвастался своим друзьям, что из-за светлой кожи Люсиль будет иметь успех как проститутка. Долорес предостерегала Люсиль от общения с Пейджем, но Люсиль реагировала инфантильно и, в

¹ GI Bill (ДжуАй Билл) – Ряд законов США об обеспечении солдат, демобилизованных после войны

определенном смысле, заискивающе. «У меня нет с ним проблем», – говорила она Долорес, – «он постоянно дает мне денег и дарит прикольные подарки». Ситуация была, как ее называла Дороти Хардин, «отвратительно грязной».

Пейдж просто так не ушел. Однажды вечером. Когда Эл, Люсиль, Долорес и их родственники выходили из *Атлас Театр*, появился Пейдж и набросился на Люсиль.

«Убери от нее свои лапы», – заорал Эл.

«Это моя баба», – ответил Пейдж. «Мне пофиг. Что ты ее муж. Ты не в теме – ты ничего не знаешь».

Затем между ними началась драка. Пейдж был больше Элла, но Эл обладал боксерскими навыками и первым же ударом свалил Пейджа с ног. Драка продолжилась вниз по улице, в которой Эл сохранял преимущество. В конце концов толпа растащила их и Пейдж убежал. Люсиль ушла с Элом и Джон Пейдж больше не объявлялся.

Большей бедой, чем ревность был алкоголь, который больше остального провоцировал драку пары. «Когда они напивались, они дрались», – вспоминала Долорес. У них дома часто проводились вечеринки: «Когда у нас с Люсиль дома был алкоголь, мы пили вместе, также у нас были еще люди, это была тусовка», – писал Эл в *Мой сын Джими*. Вечеринки проходили бурно, поэтому Долорес и Дороти запретили своим детям ходить в гости к Хендриксам, Джими же либо уходил из дому, либо закрывался в туалете и тогда был свидетелем происходящего вертепа. Долорес и Дороти отметили, что в этом году Джими стал более замкнут. Когда его спрашивали, почему он такой тихий, он сразу же отвечал: «Потому что мама и папа постоянно дерутся. Дерутся постоянно. Мне это не нравится. Я хочу, что бы они прекратили». Когда начиналась ночная ссора его родителей, Джими уединялся в доме у Дороти Хардинг. Он был настолько тихий, что Хардинг сомневалась в его здоровье. «Он едва мог проговорить хоть слово», – вспоминала она.

Джими говорил слегка заикаясь, и это продолжалось всю юность. А также проявлялось во взрослом возрасте, когда он нервничал. Он не мог выговорить имя Дороти, таким образом она стала «тетей Дорти». Он начал ходить в начальную школу, тогда напряжение немного спало и он слегка раскрепостился, но из-за говора его стали сразу же дразнить. Однажды в 1947 году ему подарили его первую музыкальную игрушку – гармошку, но она не вызвала у него большого интереса и вскоре интерес к ней пропал. Его любимой игрушкой была собачка, сшитая для него из тряпок Дороти. На некоторых фотографиях того времени, он изображен с этой матерчатой собачкой, которую держит как самое ценное, что у него есть.

В хорошие времена, Эл признавал, что Люсиль была хорошей матерью: «На самом деле Люсиль была хорошей матерью для Джими», – пишет он в своей книге. «Она его обнимала, разговаривала с ним, он ее тоже крепко обнимал». Джими был творческим ребенком и мог играть сам

с собой часами. От четырех до шести лет у него был воображаемый друг Сесса, которым был ему спутником во всем.

§

Летом 1947 года Люсиль снова забеременела. В книге Элла, написанной пятьдесят лет спустя после этого, отмечено, что его жена зачала ребенка, в тот месяц, когда они жили порознь, что оспаривает Долорес Холл. В любом случае, Эл и Люсиль были этим летом вместе и из-за ее беременности их отношения улучшились. Некоторые друзья Эла отмечают его беспокойство из-за второго ребенка в семье, в отличие от радужной версии, представленной в книге Элла. «Он говорил и говорил», – вспоминала Дороти, – «как счастлив, что может увидеть своего новорожденного, так как не смог присутствовать при рождении Джими».

Мальш родился 13 января 1948 года. Эл дал ему имя Леон, в честь своего скончавшегося брата. Эл был записан отцом в свидетельстве о рождении и как новоиспеченный папаша всем в госпитале хвастался своим ребенком. Долорес была еще в *Харборвью Хоспитал*, родившая всего за два дня до рождения Леона своего третьего ребенка. В материнской комнате ее и Люсиль кровати находились рядом, и Долорес вспоминала, что Эл с большим трепетом относился к Леону: «Он снял пеленочки и, оглядев его всего, сказал: «Я так рад что у меня появился второй сынок. Я вижу, как выглядят маленькие мизинчики, маленькие ножки, маленькие ручки». По всей видимости, из-за своего врожденного дефекта, Эл пересчитывал мизинчики и остальные пальчики Леона.

Рождение Леона стало пиком хороших отношений в семье. Эл был настолько очарован вторым сыном, что все в его жизни казалось более радужным. «Это был период, когда они были так счастливы», – говорила Долорес. «Эл получил свою самую хорошую работу за все время, а их драки, казалось, затихли». Было очевидно для всех, включая Джими, что Леон был любимчиком Эла. Джими говорил своему двоюродному брату Ди: «Папа и мама без ума от моего младшего брата; они его любят, чем меня».

Вскоре после того, как появился Леон, семья переехала в двухспальный блок в *Райнер Виста*. Помещение было очень мало, тем не менее, у Джими и Леона была собственная комната. Этим сентябрем Джими пошел в детский сад. В свои пять лет и 10 месяцев он выглядел слегка старше остальных детей, но не настолько, чтобы сильно выделяться. Днем когда заканчивались занятия в школе, он возвращался через большой парк с запада от *Райнер Виста*. Здесь в лесу он каждый день сражался с воображаемыми ковбоями, представляя себя индейцем, о которых слышал истории от своей бабушки Норы Хендрикс.

Всего через одиннадцать месяцев после рождения Леона, Люсиль произвела еще одного мальчишку, которого Эл назвал Джозефом Алленом

Хендриксом. В свидетельстве о рождении отцом был записан Эл, однако согласно его автобиографии, он отрицал отцовство. В то время как Джими и Леон были оба высокие и долговязые, Джо был низеньким и коренастым и выглядел на столько похожим на Эла – как его близнец.

Появление Джо не было радостным событием в семье. У него было несколько серьезных физических недостатков, в числе которых редкий феномен двойного ряда зубов. У него также было косолапость, *волчья пасть*, а также одна нога была значительно короче другой. Джими Хендриксу исполнилось шесть, когда зимой родился Джо, и семье теперь необходимо было прокормить троих маленьких детей, в то время как они еле-еле справлялись с одним. Однако хуже всего влияло на их брак то, что Эл и Люсиль постоянно ссорились из-за того, кто же причина проблем Джо. Люсиль обвиняла Элла, что тот ее бил во время беременности; Эл же обвинял ее в пьянстве.

Когда Джо подросток, стало очевидно, что ему требуется серьезная медицинская помощь. Эл, опасаясь больших расходов, начал эмоционально отдаляться от ребенка и от всей семьи в целом. У Люсиль же напротив, проснулся материнский инстинкт и она нашла возможность для проведения необходимых ему операций. Она часто ездила с Джо на автобусе в детскую больницу на северо-восток Сиэтла, куда в те времена автобус ходил в одну сторону два часа. Она выяснила, что штат может оплатить большую часть медицинских расходов, но семья должна также сделать некоторые выплаты. Эл отказался. Он окончил курсы по электронной технике, но единственную работу, которую он смог найти, была работа уборщика в *Пайк Плейс Маркет*, прибирая за фермерами.

К июню 1949 года семья подошла к критической точке. У детей были проблемы со здоровьем из-за недоедания; Джим и Леон фактически питались у соседей, что вскоре стало практически традицией. Эл решил, что всех его троих детей надо отправить жить в Канаду к его матери Норе. К семи годам Джими был единственный достаточно взрослый ребенок, кто мог понимать, что напряженность между родителями возрастает. Бабушка Нора была более заботливым попечителем, чем Эл и Люсиль, однако у нее были свои особенности. Она строго наказывала – когда Джо писался в кроватку, она сильно била его – также старомодна в лечении болезней и хорошо разбиралась в травах.

В сентябре 1949 года в Ванкувере Джими пошел в первый класс. Позже в интервью он рассказывал, что бабушка одевала его в «мексиканский пиджачок с кисточками», который сама сшила и из-за чего в школе дети дразнили его. К октябрю, Джими с братьями отправили обратно в Сиэтл к Люсиль и Элу, у которых отношения снова налаживались. Однако история вскоре начала повторяться и к концу 1950 года, когда Джим, временно жил у Долорес тогда же и пошел во второй класс в *Хорейс Манн Элементри*. Этой осенью Джими исполнилось восемь, когда в семье Хендриксов появился очередной ребенок: Кети Ира, рожденная преждевременно на 16 недель и весила при рождении 1 фунт и

10 унций (*прим. переводчика* менее 1 килограмма). Однако хуже всего, как вскоре выяснилось, что она была слепой. Какое-то время Кети осталась жить со всей семьей, но через пару месяцев после появления было оформлено опекуновство и ее отдали на попечение властям штата. Эл также отрицал свое отцовство Кети, несмотря на то, как было до нее с Джо, что была очень на него похожа.

Вторая дочь, Памела, родилась годом позже в октябре 1951 года. У нее также были проблемы со здоровьем, хоть и не такие серьезные как у Кети. Эл также отрицал свое отцовство Памелы, но, по крайней мере, был хотя бы записан отцом в свидетельстве о рождении. Ее тоже отдали на попечение, однако была неподалеку и могла видится с семьей.

Джими пошел в третий класс в 1951 в начальной школе *Райнер Виста*. Он снова жил со своими родителями, Леоном и Джо в чрезвычайно маленькой двухспальной квартирке. Несмотря на семенные трудности, Джими нашел как отвлечься, чем увлек и остальных ребят: читал комиксы, с удовольствием ходил в кино и рисовал машины в своем блокноте. Этим летом он написал в открытке своей бабушке Норе: «Как ты себя чувствуешь? У меня все хорошо. Как поживают мой кузин и остальные? Остальные тоже в порядке? Мы ездили на пикник и я сильно наелся, это был хороший пикник. Мы здорово повеселились. Чик-чирик. С любовью. Бастер».

Вскоре дела в семье Хендриков стали настолько плохи, что Джими перестал свои чирикаться. К этому времени было три ребенка (Джими, Леон и Джо; обеих девочек уже отдали на попечение). У Люсиль усугубились проблемы с выпивкой, как и у Эла, и Эл снова не мог найти стабильной работы. Несмотря на то, что было множество непреодолимых трудностей, в конечном счете, вопросы связанные с Джо Хендриком послужили причиной распада семьи. Люсиль питала надежды, что Джо, тогда ему было три года, может жить нормальной жизнью после операции на ногу. Но в этом вопросе Эл был непоколебим: он настаивал, что не сможет оплатить операцию. Люсиль же, отдавшая двух дочек, была не допустима мысль о том, что бы отдать Джо, который на протяжении трех лет был частью их семьи. Позже она сказала, что Эл принял такую позицию из злости и скупости. «Эл говорил, что не собирается тратить хоть сколько-нибудь денег на ребенка», - вспоминала Долорес, «даже если бы они у него были».

В конце 1951 года, когда Джими исполнилось 9 лет, Люсиль ушла от Эла. Эл был разбит, и позже рассказывал историю, что это он ее оставил. Это, тем не менее, не было завершением их отношений, даже развод не смог избавить их от страсти друг к другу равно как и от взаимной ненависти последовавшей за ним. Официально они развелись 17 декабря 1951, но вскоре после него они снова были вместе, и вскоре за этим, они снова разошлись. Во время официального процесса развода Эл оформил попечительство над Джими, Леоном и Джо. Этот документ носил исключительно формальный характер о том, что Хендриксы-мальчики

впоследствии были на попечении бабушки Кларис Джетер, бабушки Норы Хендрикс в Ванкувере, тети Долорес Холл, подруги семьи Дороти Хардин и прочих соседей, с которыми соседствовала семья на протяжении брака родителей мальчиков.

Летом 1952 года Люсиль и Эл пробыли вместе слишком долго, чтобы пережить одну из самых печальных процедур, которых приходилось переживать их семье. Единственный путь к обеспечению необходимой медицинской помощи Джо в случае отказа Эла от оплаты этих расходов приводил к тому, что опекуном Джо будет государство. Что бы сделать операцию, Люсиль и Эл отказались от родительских прав на трехлетнего Джо. Люсиль умоляла Эла об изменении своей позиции, а опекунами над Джо будут Долорес и Дороти Хардинг. Но Эл отклонил ее предложение из-за опасения возможных финансовых обязательств.

Эл позаимствовал машину для этого душераздирающего события. Джимми и Леон знали, что что-то произошло, когда увидели, что их папа собирает вещи их братика и складывает в машину. Долорес попросили в это время присмотреть за Джимми и Леоном, и она с ребятами помахала Джо. Леон помнит свое замешательство, а вот почти десятилетний Джимми должно быть был сильно опечален этой историей.

Джо безусловно помнил этот день. Его мать держала в руках в едущей машине. «Она так хорошо пахла», – вспоминал Джо, «как цветок». У госпиталя Люсиль вынесла Джо из машины и отдала его ожидающей медсестре. Затем он с медсестрой присел на бордюр, а когда его мама начала садиться в машину, начал плакать. «Мой папа», – вспоминал Джо – «даже не вышел из машины. Все это время он продолжал сидеть за рулем». Джо забрался на колени медсестры и смотрел в след уезжающим родителям. Со временем, он часто встречался со своим братьям на *Централ Дистрикт*. У них были очень теплые чувства друг к другу, учитывая, что они прожили как одна семья три года. Джо даже время от времени виделся с Элом Хендриксом по соседству, однако Джо Хендрикс больше никогда не видел Люсиль. Последнее мгновение, в которое он видел свою мать, это была ее вытянутая рука из окна автомобиля.